Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Мезальянс

Вне зависимости от того, насколько быстро я двигался в сторону кладбища, моим напарницам по спортивной гребле на постели обычно было около 18—20 лет. Однажды, правда, меня занесла нелегкая на фемину старше меня на два года. Конец истории был печален и предсказуем: этот внезапный фердибобель закончился полным браком. Поэтому во избежание дальнейших крутых поворотов на жизненном пути я стал холить и лелеять свою врожденную страсть к «комсомолкам и спортсменкам», и она расцвела пышным цветом, давая мне возможность до сих пор наслаждаться нимфетками в полном соответствии с действующим законодательством.

Чтобы не растекаться семенем по чреву, сразу отсеку воспоминания о состоявшихся мезальянсах с незначительной для меня разницей в возрастной категории — в 10—15 лет. Я лучше расскажу Вам историю любви, в которой я был старше ее на 26 лет, а моей избраннице было 19, и она была хороша. Не напрягайтесь: да, мне было тогда 45.

К моменту нашего случайного знакомства я уже был вполне сформировавшейся личностью: разочаровавшимся в жизни циничным мизантропом, охотившимся на диких курочек на бескрайних полях многочисленных сетевых ресурсов и вылавливающим бельдюг и проступом из мутной водицы увеселительных заведений, открыв для этих низменных, но приятных целей свой собственный ночной клуб.

В тот пятничный день у нас проходила индийская вечеринка. Набор восточных сладостей состоял из исполнительницы танцев живота, кальяна и полуживой музыки в исполнении странных дредообразных людей. Под звуки тамтама они извлекали что-то ритмично-заунывное из длинных труб, обращенных к полу. Я нарядился соответствующе: в узбекский халат и тюбетейку, которые приобрел на Ташкентском базаре несколько лет назад. На лоб прилепил красную каплеобразную пайетку, незаметно отодрав ее от живота танцовщицы, пока та курила в темноте.

Преобразившись таким образом в Радж Капура и распустив волосы а-ля «грязный рокер», я побрел по залу с кистями и красками наперевес. По собственному желанию я делал гостям бесплатный боди-арт, расписывая их под индийскую хохлому. Кто-то просил нарисовать паука на обнаженном плечике, кто-то цветочек на груди — никому не было отказа. Ну, кроме мужчин, конечно: тискать их — ни вообще, ни в процессе творчества — сильно не хотелось.

В пятом часу утра, прощупав десяток девиц разной степени опьянения и изведя изрядное количество специальной краски для нательной живописи, я собирался двинуть домой не солоно хлебавши. Заманить какую-нибудь старлетку к себе в логово в качестве натурщицы на этот раз мне не удалось.

Примостившись за барной стойкой, я попросил бармена налить мне выпить «на посошок». Вдруг ко мне подошла девица, которую я заприметил довольно давно: она пришла часам к двенадцати ночи со своей подругой и так классно отжигала на танцполе, что все время отвлекала меня от граффити на сиськах.

Девушка была уже без подруги и попросила скопировать ее замысловатый медальон, примостившийся в ложбинке между двух сочных грудей, перенеся его изображение на одну из них. Быстро оценив возможные перспективы тактильного наслаждения в процессе творческих мук, я передумал ехать домой и спустился с ней — не без труда — вниз, в уютный

зал, где было поменьше народа.

Как выяснилось, она была под амфетамином. Я узнал об этом много позже, а в эту ночь я думал, что ее увлекла моя персона, а не мой странный наряд и блёсточка во лбу, как оказалось на самом деле. Девушка веселилась на дне рождения своей подруги, с которой и притащилась потом в клуб — благо, жила она недалеко. На вечеринке она сильно перебрала шампанского, и уже в клубе какой-то парень предложил ей закинуться. С этого все и началось.

Я ни о чем об этом не подозревал и раздувался от гордости, что меня не надо еще прислонять в тихом месте к теплой стенке, и что заинтересоваться мною можно естественным путем. Ее звали Марина. На самом деле ее звали по-другому, но фонетически она звучала именно так.

Я водил кисточкой по ее полуобнаженной груди, предварительно расстегнув ее рубашку насколько это было возможно — конечно, чтобы не запачкать краской ее одежду. Другой рукой я проверял упругость ее груди, как бы пытаясь определить, насколько она в будущем готова к материнству. С грудями у Марины все было в порядке: потом у меня была возможность неоднократно убедиться в этом. Красивые внешне и упругие на ощупь, правда, с несколько увеличенными ареолами сосков: я предпочитаю конструкцию поизящней.

Девушка невинно давала мне возможность наслаждаться ее упругостями и трещала без остановки. Иногда ее словоблудие было настолько интересно и познавательно, что я отвлекался от жима сисек в положении сидя и прислушивался к ее бреду. Вечеринка закончилась, и мы перебрались в приват-зал. Я отпустил сотрудников, которые расходились по домам и укоризненно качали головами. А мы с Мариной все говорили и говорили. Иногда взахлеб, перебивая друг друга, но чаще я просто слушал ее: она оказалась потрясающе интересной собеседницей, хотя сначала со мной разговаривал чистый амфетамин.

В результате мы проговорили почти девять часов кряду (!), Марина опоздала на консультацию по учебе, а я, жаворонок по натуре, выглядел под утро измученным козодоем. Но мне все же удалось раздеть ее до пояса и насладиться ее прелестными полушариями. У Марины сначала было удивленно-заинтересованное лицо, но потом все чаще стали проявляться следы сексуальной рефлексии: томно закатывающиеся глаза и частые стоны в мечтах о недостижимом.

Дело в том, что в эту ночь, как назло, у нее приехала бабушка на красном мерседесе. Этим объяснялись ее частые отлучки в сортир во время боди-арта и после. Израсходовав весь припасенный запас средств индивидуальной защиты, в ход пошла туалетная бумага из клубного туалета, а затем и бумажные полотенца. Когда Марина виновато добралась до хлопчатобумажных салфеток со стола, я понял, что нам пора на время расстаться. Каждый должен был привести себя в порядок: она принять душ, а я — хорошенько подрочить.

Перед разлукой я успел назначить ей второе свидание, которое она благосклонно приняла. Правда, Марина на него бессовестным образом опоздала на целых три часа, чуть не проспав судьбоносную встречу. Я грустно потягивал беленькую, сидя в пустом клубе, понимая, что, когда девушка протрезвела и пришла в себя, мои шансы на желанное соитие приблизились к нулю. Однако, Марина действительно проспала, и это было не удивительно, учитывая, что накануне она бдила более полутора суток.

Когда Марина испугано перезвонила, я уже был обижен, несчастен и пьян. Я заявил ей, что она может спать дальше или вообще катиться ко всем чертям — в общем, повел себя как настоящая капризная баба, что мне свойственно иногда.

Марина раскусила меня с первого же дня знакомства (как думал я), или сразу влюбилась в меня (как утверждала она). Но, как бы там ни было, девушка все-таки приехала ко мне с громадным опозданием (несмотря на то, что я фактически послал ее), за что я был ей безмерно благодарен. Через шесть дней безумных свиданий и умопомрачительных бесед, Марина переехала ко мне, где мы прожили вместе без малого четыре года — почти до самого окончания Медицинской Академии, в которой она училась на косметолога.

С первых дней наши сексуальные утехи внезапно натолкнулись на некоторое сопротивление с ее стороны. Во время традиционных соитий она выбирала такую модель поведения, которую я частенько наблюдал во время сплава бревен по реке: мне приходилось ее постоянно подталкивать багром. Но это были еще цветочки.

— В попу нельзя, потому что там какашки! — безапелляционно заявила мне Марина, когда я первый раз попытался войти в ее тело с заднего крыльца: видимо, по проктологии у нее была твердая «пятерка».

После отказа Марины от минета я стал догадываться, по какой причине нельзя, с ее точки зрения, сосать член. Это был тяжелый случай: мне попался дремучий пень, который только недавно вылез из-под шкафа сексуальных табу на свет божий. К тому же тело девушки имело дикое оволосение по мужскому типу, и я первое время терялся в ее зарослях, чувствуя себя миллионером из трущоб: моей любимой бритой писькой тут и не пахло.

Я тяжело вздохнул: путь к разнообразному женскому счастью был выстлан отнюдь не розами, по меткому определению самой испытуемой. Мне предстояло пройти нелегкий, но приятный путь со своей любимой, превратив это Йети с отличными сиськами в усладу дней и ночей моих на все времена.

Кому-то нравятся уже обученные кобылицы, тяготеющие к показательным выступлениям на ниве греха и порока, я же всегда предпочитал дрессуру. В силу вечного возрастного дисбаланса — и опыта, соответственно, — я люблю превращать необъезженных мустангов в цирковых лошадок с плюмажем в интересных местах. Правда, иногда мне попадалась какая-нибудь лошадь Пржевальского, которую было легче пристрелить, чем обучить, но это были редкие и неизбежные издержки воспитательного процесса.

Тяга к наставничеству гнездилась во мне с младых ногтей: еще в детском саду я объяснял своей соседке по горшку, как правильно писать туда. Правда, не обнаружив необходимый для этого случая краник, я помню, что на некоторое время впал в глубокий анабиоз.

Решив начать с более простых упражнений и демонстрируя лояльность в области оральных ласк — к тому времени Марина была гладко выбрита до самых печенок — я доводил девушку при помощи пальцев, губ и языка до феерического оргазма, предлагая свой пенис (говоря ее медицинским языком) в порядке алаверды. Добившись от девушки согласия «попробовать пососать», я поднес — Аллилуйя! — побитый молью и видавший виды свой искушенный хуй, к искусанным от страха губам пионерки.

Видя ее напряжение, я стал осторожно тыкать головкой ей в рот, приговаривая «не понравится — выплюнешь!», осознавая, что это не зубная пломба врача-практиканта, и выплюнуть это будет не так-то просто. Милое лицо пыталось уклониться от внедрения новых методов глубокого изучения непорочной девичьей души через рот, но сделать это было не легко: с другой стороны конца стоял я, подавляя неопытную студентку почти центнером живого веса и увещевая интеллектом.

К моему изумлению, Марина довольно быстро освоилась и стала сосать, все время

поглядывая на меня: «Все ли я правильно делаю?» В этом и есть великая радость первопроходца-творца! Я научил девушку делать минет так, как нравится мне, и она со временем стала прекрасно с этим справляться, покорно заглатывая и глотая или терпеливо ожидая моей разрядки, когда я просто ебал ее в рот.

К сожалению, полностью искоренить все ее предрассудки я был не в силах: с технической точки зрения ее фелляция была безупречна, но вот полюбить это дело по-настоящему, на мой взгляд, она так и не смогла. Лишь однажды я получил от нее отсос, который было бы не стыдно выложить в сеть, в раздел POV.

Марина где-то прочла о Джона Фалконе и ей не терпелось поупражняться на том, что было под рукой. В процессе добычи ею полезных ископаемых я потянулся за телефоном, чтобы запечатлеть на камеру этот исторический момент, но тут же получил по репе и сладостно затих, наматывая на нейроны головного мозга это великое чудо поглощения.

Эпохальный минет мне запомнился навсегда, тем более, что инициатором этого волшебства была она сама, что случалось крайне редко. Марина не просто сосала, она играла с ним, разговаривала и ворковала с членом, как с куклой, надевая и снимая его естественную одежду, деловито исследуя каждую складочку и окрестности. Прелестница подключила сюда еще и нежный ануслинг, и влажный эглингинг с засосом яиц и с массажем простаты. Я так и кончил, с ее пальцем в заднице, чуть не отправившись от наслаждения к праотцам. Ее довольная морда лица еще долго стояла у меня перед глазами: в этот момент я был целиком в ее власти, и она знала это.

С аналом все оказалось проще, чем я ожидал. Марина подошла к этому вопросу очень ответственно. Поняв, что мои посягательства на ее пятую точку неизбежны, она потащила меня в магазин «Интим» для совместного выбора лубриканта, подходящего для этих целей. Раньше я не заморачивался особо по этому поводу: просто брал универсальную анально-вагинальную прозрачную смазку без запаха прямо на кассе какого-нибудь торгового центра, заставляя краснеть над выбором означенного продукта молоденьких кассирш.

В магазине для взрослых мне было немного не по себе, особенно под осуждающим взглядом продавца: в его глазах я был растлитель малолеток, который ищет себе дополнительные прибамбасы, чтобы окончательно доконать бедное дитя. «Дитя» к моему изумлению быстро выбрало подходящий гель и достало карту на скидку этого магазина.

На мой немой вопрос «WTF?!», Марина торопливо пояснила, что её предыдущий парень — армянин по-национальности — обычно трахал её в течение трех часов без остановки и природной смазки у нее не хватало. Поэтому она так часто покупала здесь лубриканты, что ей подарили карту на скидку.

Надеясь, что «три часа», это образное выражение, я все равно чет приуныл и не стал больше наводить мосты между ее прошлым и нашим настоящим: с моими среднестатистическими возможностями я не шел в никакое сравнение с этим гигантом письки и отцом нерусской демократии.

Я лишил Марину анальной девственности в ту же ночь, от души вставив ей национальный хуй и поставив, тем самым, жирную точку в армянском вопросе. Перед этим я ей долго объяснял, что если у мужчины только одна эрогенная зона, да и та выведенная за пределы организма, то женщина — это одна большая эрогенная зона: надо только знать, где нажать. И в заднице тоже может быть много чего интересного, кроме пресловутых какашек. Я как в воду глядел: ее анальная дырочка оказалась вся сплошь нашпигована эрогенными окончаниями,

аки смалец шкварками, и с первого же захода Марина так кончила, что я вылетел из нее, как пробка из шампанского.

Когда девушка отдышалась, мне было с изумлением предложено повторить, что я не замедлил сделать, так как еще не отстрелялся. Марина кончила второй раз подряд с большим размахом, подключив сюда еще и стимуляцию клитора пальцами. После этой ночи она попала в анальное рабство — к вящему своему удовольствию. Через короткое время её табель о рангах выглядел следующим образом: первое место — анал, второе — место — вагинал, третье место — орал.

Но сколько я не орал, мой любимый минет оказался на задворках ее сексуальных предпочтений. Я одиноко бродил по комнате, болтая причинным местом между ног и с грустью вспоминая Анжелику. Но тут во мне внезапно проснулся старый еврей. У меня появился предмет для спекуляции, и я незамедлительно этим воспользовался: трудно удержаться, когда есть шанс на маленький гешефт. С этого дня в ее любимое место я попадал исключительно через отсос, что было логично и приятно обоим. И окончание в рот после анального коитуса Марину уже ничуть не смущало: какашки были забыты, как страшный сон в ночь перед Рождеством.

Но не все было так радужно в нашей своеобразной семье. Живя вместе с молодой девушкой, я стал понимать, что большая разница в возрасте не приемлема при длительных отношениях. Марине было интересно то, что я уже пережил в свое время, она стремилась к тому, до чего мне уже не было никакого дела. Пока я был для нее «окном в мир», у нас все ладилось, и мы были оба счастливы. Но влюбленность неизбежно прошла, я уже передал ей весь свой сексуальный опыт и из общего у нас осталась только крыша над головой.

В последний год нашей совместной жизни мы съездили на море и чудесно отдохнули, словно у наших чувств открылось второе дыхание. Было несколько забавных сексуальных приключений (о которых я, быть может, расскажу в отдельной истории), но, когда мы вернулись в родные пенаты, наша любовь, хрипло вскрикнув, затихла навсегда.

Последние шесть месяцев мы сидели в разных комнатах, уткнувшись в свои мониторы и за целый день могли произнести не более десятка фраз. Куда ушли те девять часов бесконечных разговоров взахлеб?! Спали мы по-прежнему вместе, но нас ничего не объединяло, кроме общего одеяла. Я больше не хотел Марину, а она, со временем, перестала настаивать.

Примерно через год после нашей разлуки Марина неудачно вышла замуж, еще через год удачно родила дочь, и теперь, когда ей становится совсем плохо, они звонит мне и советуется, какое средство ей лучше всего скормить своему мужу, черпая информацию для этих обсуждений, в основном, из раздела «Яды и их применение в домашних условиях».

Иногда я печалюсь, вспоминая о ней одинокими зимними вечерами и листаю на мониторе слайд-шоу с нашим безоблачным прошлым, даже не имея возможности привнести в свою грусть новые ощущения и эмоции: я с детства был закоренелая левша.

Становясь с каждым годом ближе к Создателю, я с грустью думаю о том, что пора начинать играть на своем поле, чтобы не вызывать недоуменно-презрительных взглядов окружающих, когда я в очередной раз двигаюсь по улице под ручку с юной пассией, тряся над ней седеющей бородою, как ацкий сотона.

Кстати, у меня был один внезапный опыт сношений с активной участницей клуба «Для тех, кому за сорок» — это было даже забавно, когда мы сотрясались в пароксизме совместного насморка, принимая его за обоюдный оргазм.

Но меня по-прежнему влечет молодое тело, и я пока не готов менять свежевыжатый апельсиновый сок на забродившее (иногда ко мне) домашнее вино...

Ноябрь 2015